

Пару лет назад в американской газетке был опубликован интересный материал, посвященный сорокалетию одной маленькой, но грязной войны, которую вели США, Алжир, Эфиопия и Сомали. В этой войне нет правых, одни виноватые.

Маленькое пояснение: описываемые события разворачиваются в районе теперь печально знаменитого □ Аденского залива. “Tankist”, он же “бородатый капитан” – майор Еременко Николай Игнатьевич, командир отдельного батальона 104 тбр, приданного миссии ООН.

ИСПОВЕДЬ ЛЕЙТЕНАНТА МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

Меня зовут Майкл Фоgetti, я капитан Корпуса Морской пехоты США в отставке. **Недавно я увидел в журнале, фотографию русского памятника из Трептов-парка в Берлине**□

и вспомнил один из эпизодов своей службы. Мой взвод после выполнения специальной операции, получил приказ ждать эвакуации в заданной точке, но в точку эту попасть мы так и не смогли.

В районе Золотого рога как всегда было жарко во всех смыслах этого слова. Местным жителям явно было мало одной революции. Им надо было их минимум три, пару гражданских войн и в придачу один религиозный конфликт. Мы выполнили задание и теперь спешили в точку randevу с катером, на котором и должны были прибыть к месту эвакуации.

Но нас поджидал сюрприз. На окраине небольшого приморского городка нас встретили суетливо толкущиеся группки вооруженных людей. Они косились на нас, но не трогали,

ибо колонна из пяти джипов, ошетилившаяся стволами М-16 и М-60, вызывала уважение. Вдоль улицы периодически попадались легковые автомобили со следами обстрела и явного разграбления, но именно эти объекты и вызвали основной интерес пейза, причем вооруженные мародеры имели явный приоритет перед невооруженными.

Когда мы заметили у стен домов несколько трупов явных европейцев, я приказал быть наготове, но без приказа огонь не открывать. В эту минуту из узкого переулкa выбежала белая женщина с девочкой на руках, за ней с хохотом следовало трое местных нигеров (извините, афроафриканцев). Нам стало не до политкорректности. Женщину с ребенком мгновенно втянули в джип, а на ее преследователей цыкнули и недвусмысленно погрозили стволом пулемета, но опьянение безнаказанностью и пролитой кровью сыграло с мерзавцами плохую шутку. Один из них поднял свою G-3 и явно приготовился в нас стрелять. Рядовой Колоун автоматически нажал на гашетку пулемета, и дальше мы уже мчались под все усиливающуюся стрельбу. Хорошо еще, что эти уроды не умели метко стрелять. Мы взлетели на холм, на котором собственно и располагался город, и увидели внизу панораму порта, самым ярким фрагментом которой был пылающий у причала пароход.

В порту скопилось больше тысячи европейских гражданских специалистов и членов их семей. Учитывая то, что в прилегающей области объявили независимость и заодно джихад, все они жаждали скорейшей эвакуации. Как было уже сказано выше, корабль, на котором должны были эвакуировать беженцев, весело пылал на рейде, на окраинах города сосредотачивались толпы инсургентов, а из дружественных сил был только мой взвод с шестью пулеметами и скисшей рацией (уоки-токи не в счет).

У нас было плавсредство, готовое к походу и прекрасно замаскированный катер, но туда могли поместиться только мы. Бросить на произвол судьбы женщин и детей мы не имели права. Я обрисовал парням ситуацию и сказал, что остаюсь здесь и не в праве приказывать кому — либо из них оставаться со мной, и что приказ о нашей эвакуации в силе и катер на ходу.

Но к чести моих ребят остались все. Я подсчитал наличные силы... двадцать девять морпехов, включая меня, семь демобилизованных французских легионеров и 11 матросов с затонувшего парохода, две дюжины добровольцев из гражданского контингента. Порт во времена Второй мировой войны был перевалочной базой и несколько десятков каменных пакгаузов, окруженных солидной стеной с башенками и прочими архитектурными излишествами прошлого века, будто сошедшие со страниц Киплинга и Буссенара, выглядели вполне солидно и пригодно для обороны.

Вот этот комплекс и послужили нам новым фортом Аламо. Плюс в этих пакгаузах были размещены склады с ООНовской гуманитарной помощью, там же были старые казармы, в которых работали и водопровод и канализация, конечно туалетов было маловато на такое количество людей, не говоря уже о душе, но лучше это, чем ничего. Кстати, половина одного из пакгаузов была забита ящиками с неплохим виски. Видимо кто — то из чиновников ООН делал тут свой небольшой гешефт. То есть вся ситуация, помимо военной, была нормальная, а военная ситуация была следующая...

Больше трех тысяч инсургентов, состоящих из революционной гвардии, иррегулярных формирований и просто сброда, хотевшего пограбить вооруженных, на наше счастье только легким оружием от маузеров и штурмгеверов до автоматов Калашникова и стенов, периодически атаковали наш периметр. У местных были три старых французских пушки, из которых они умудрились потопить несчастный пароход, но легионеры смогли захватить батарею и взорвать орудия и боекомплект.

Мы могли на данный момент им противопоставить: 23 винтовки М-16, 6 пулеметов М-60, 30 китайских автоматов Калашникова и пять жутких русских пулеметов китайского же производства, с патронами пятидесятого калибра. Они в главную очередь и помогали нам удержать противника на должном расстоянии, но патроны к ним кончались прямо-таки с ужасающей скоростью.

Французы сказали, что через 10 — 12 часов подойдет еще один пароход и даже в сопровождении сторожевика, но эти часы надо было еще продержаться. А у осаждающих был один большой стимул в виде складов с гуманитарной помощью и сотен белых женщин. Все виды этих товаров здесь весьма ценились. Если они додумаются атаковать одновременно и с Юга, и с Запада, и с Севера, то одну атаку мы точно отобьем, а вот на вторую уже может не хватить боеприпасов. Рация наша схлопотала пулю, когда мы еще только подъезжали к порту, а уоки-токи били практически только на несколько километров. Я посадил на старый маяк вместе со снайпером мастер — сержанта Смити — нашего радио-бога. Он там что — то смудрил из двух раций, но особого толку с этого пока не было.

У противника не было снайперов, и это меня очень радовало. Город находился выше порта, и с крыш некоторых зданий, территория, занимаемая нами, была как на ладони, но планировка города работала и в нашу пользу. Пять прямых улиц спускались аккуратно к обороняемой нами стене и легко простреливались с башенок, бельведеров и эркеров... И вот началась очередная атака. Она была с двух противоположных направлений и была достаточно массовой.

Предыдущие неудачи кое-чему научили инсургентов, и они держали под плотным огнем наши пулеметные точки. За пять минут было ранено трое пулеметчиков, еще один убит. В эту минуту противник нанес удар по центральным воротам комплекса: они попытались выбить ворота грузовиком. Это им почти удалось. Одна створка была частично выбита, во двор хлынули десятки вооруженных фигур. Последний резерв обороны — отделение капрала Вестхаймера — отбило атаку, но потеряло троих человек ранеными, в том числе одного тяжело. Стало понятно, что следующая атака может быть для нас последней, у нас было еще двое ворот, а тяжелых грузовиков в городе хватало. Нам повезло, что подошло время намаза и мы, пользуясь передышкой и мобилизовав максимальное количество гражданских, стали баррикадировать ворота всеми подручными средствами.

Внезапно на мою рацию поступил вызов от Смити:

- “Сэр. У меня какой — то непонятный вызов и вроде от русских. Требуют старшего. Позвольте переключить на вас?”

- “А почему ты решил, что это русские?”

- “Они сказали, что нас вызывает солнечная Сибирь, а Сибирь, она вроде бы в России...”

- ” Валяй, ” — сказал я и услышал в наушнике английскую речь с легким, но явно русским акцентом...

- ” Могу я узнать, что делает United States Marine Corps на вверенной мне территории ?” — последовал вопрос.

- “Здесь Marine First Lieutenant* Майкл Фоgetti. С кем имею честь? ” — в свою очередь поинтересовался я.

-” Ты имеешь честь общаться, лейтенант, с тем, у кого, единственного в этой части

Африки, есть танки, которые могут радикально изменить обстановку. А зовут меня Tankist”.

Терять мне было нечего. Я обрисовал всю ситуацию, обойдя, конечно, вопрос о нашей боевой “мощи”. Русский в ответ поинтересовался, а не является ли, мол, мой минорный доклад, просьбой о помощи. Учитывая, что стрельба вокруг периметра поднялась с новой силой, и это явно была массированная атака осаждающих, я вспомнил старину Уинстона, сказавшего как — то, ” что если бы Гитлер вторгся в ад, то он, Черчилль, заключил бы союз против него с самим дьяволом...”, и ответил русскому утвердительно. На что последовала следующая тирада:

- ” Отметьте позиции противника красными ракетами и ждите. Когда в зоне вашей видимости появятся танки, это и будем мы. Но предупреждаю: если последует хотя бы один выстрел по моим танкам, все то, что с вами хотят сделать местные пейзажи, покажется вам нирваной по сравнению с тем, что сделаю с вами я”.

Когда я попросил уточнить, когда именно они подойдут в зону прямой видимости, русский офицер поинтересовался не из Техаса ли я, а получив отрицательный ответ, выразил уверенность, что я знаю что Африка больше Техаса и нисколько на это не обижаюсь.

Я приказал отметить красными ракетами скопления боевиков противника, не высываться и не стрелять по танкам, в случае ежели они появятся. И тут грянуло. Бил как минимум десяток стволов, калибром не меньше 100 миллиметров. Часть инсургентов кинулась спасаться от взрывов в нашу сторону, и мы их встретили, уже не экономя последние магазины и ленты. А в просветах между домами, на всех улицах одновременно появились силуэты танков Т-54, облепленных десантом.

Боевые машины неслись, как огненные колесницы. Огонь вели и турельные пулеметы и десантники. Совсем недавно казавшееся грозным воинство осаждающих рассеялось, как дым. Десантники прыгнули с брони, и, рассыпавшись вокруг танков, стали зачищать близлежащие дома. По всему фронту их наступления раздавались короткие автоматные очереди и глухие взрывы гранат в помещениях. С крыши одного из домов внезапно ударила очередь, три танка немедленно повернули башни в сторону последнего прибежища полоумного героя джихада и строенный залп, немедленно перешедший в строенный взрыв, лишил город одного из архитектурных излишеств.

Я поймал себя на мысли, что не хотел бы быть мишенью русской танковой атаки, и даже будь со мной весь батальон с подразделениями поддержки, для этих стремительных бронированных монстров с красными звездами, мы не были бы серьезной преградой. И дело было вовсе не в огневой мощи русских боевых машин... Я видел в бинокль лица русских танкистов, сидевших на башнях своих танков: в этих лицах была абсолютная уверенность в победе над любым врагом. А это сильнее любого калибра.

Командир русских, мой ровесник, слишком высокий для танкиста, загорелый и бородатый капитан, представился неразборчивой для моего бедного слуха русской фамилией, пожал мне руку и приглашающе показал на свой танк. Мы комфортно расположились на башне, как вдруг русский офицер резко толкнул меня в сторону. Он вскочил, срывая с плеча автомат, что — то чиркнуло с шелестящим свистом, еще и еще раз. Русский дернулся, по лбу у него поползла струйка крови, но он поднял автомат и дал куда- то две коротких очереди, подхваченные четко-скуповатой очередью турельного пулемета, с соседнего танка.

Потом извиняющееся мне улыбнулся, и показал на балкон таможни, выходящий на площадь перед стеной порта. Там угадывалось тело человека в грязном бурнусе и блестел ствол автоматической винтовки. Я понял, что мне только что спасли жизнь. Черноволосая девушка (кубинка, как и часть танкистов и десантников) в камуфляжном комбинезоне тем временем перевязывала моему спасителю голову, приговаривая по-испански, что вечно синьор капитан лезет под пули, и я в неожиданном порыве души достал из внутреннего кармана копию-дубликат своего Purple Heart, с которым никогда не расставался, как с талисманом удачи, и протянул его русскому танкисту. Он в некотором замешательстве принял неожиданный подарок, потом крикнул что- то по-русски в открытый люк своего танка. Через минуту оттуда высунулась рука, держащая огромную пластиковую кобуру с большущим пистолетом. Русский офицер улыбнулся и протянул это мне.

А русские танки уже развернулись вдоль стены, направив орудия на город. Три машины сквозь вновь открытые и разбаррикадированные ворота въехали на территорию порта, на броне переднего пребывал и я. Из пакгаузов высыпали беженцы, женщины плакали и смеялись, дети прыгали и визжали, мужчины в форме и без орали и свистели. Русский капитан наклонился ко мне и, перекрикивая шум, сказал: **“Вот так, морпех. Кто ни разу не входил на танке в освобожденный город, тот не испытывал настоящего праздника души, это тебе не с моря высаживаться”**. И хлопнул меня по плечу.

Танкистов и десантников обнимали, протягивали им какие-то презенты и бутылки, а к русскому капитану подошла девочка лет шести и, застенчиво улыбаясь, протянула ему шоколадку из гуманитарной помощи. Русский танкист подхватил ее и осторожно поднял, она обняла его рукой за шею, и меня внезапно посетило чувство дежавю.

Я вспомнил, как несколько лет назад в туристической поездке по Западному и Восточному Берлину нам показывали русский памятник в Трептов-парке. Наша экскурсовод, пожилая немка с раздраженным лицом, показывала на огромную фигуру Русского солдата со спасенным ребенком на руках и цедила презрительные фразы на плохом английском. Она говорила о том, что, мол, это все большая коммунистическая ложь, и что кроме зла и насилия русские на землю Германии ничего не принесли.

Будто пелена упала с моих глаз. Передо мною стоял русский офицер со спасенным ребенком на руках. И это было реальностью и, значит, та немка в Берлине врала, и тот русский солдат с постамента, в той реальности тоже спасал ребенка.

Так, может, врет и наша пропаганда, о том, что русские спят и видят, как бы уничтожить Америку. Нет, для простого первого лейтенанта морской пехоты такие высокие материи слишком сложны. Я махнул на все это рукой и чокнулся с русским бутылкой виски, неизвестно как оказавшейся в моей руке.

В этот же день удалось связаться с французским пароходом, идущим сюда под эгидой ООН, и приплывшим — таки в два часа ночи. До рассвета шла погрузка, Пароход отчалил от негостеприимного берега, когда солнце было уже достаточно высоко. И пока негостеприимный берег не скрылся в дымке, маленькая девочка махала платком, оставшимся на берегу русским танкистам.

А мастер-сержант Смити, бывший у нас записным философом, задумчиво сказал:

- **“Никогда бы я не хотел, чтобы русские в серьез стали воевать с нами. Пусть это непатриотично, но я чувствую, что задницу они нам обязательно надерут”**. И, подумав, добавил: “Ну, а пьют они так круто, как нам и не снилось... Высосать бутылку виски из горлышка и ни в одном глазу... И ведь никто нам не поверит, скажут что такого даже Дэви Крокет не придумает”.

[ОРИГИНАЛ СТАТЬИ](#)